

Восточный поворот России: проблемы и перспективы¹**Масленников Никита Иванович**

Институт современного развития (ИНСОП)
 Руководитель направления «Финансы и экономика»
 vojta2010@yandex.ru

Цыпляев Сергей Алексеевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Декан юридического факультета
 tsyplyaev-sa@sziu.ranepa.ru

Юргенс Игорь Юрьевич

Председатель Правления Института современного развития, член Российского совета по международным делам
 mail@insor-russia.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается перспектива поворота России на Восток — смены политических и экономических ориентиров и партнеров, описывается российское видение «азиатского курса». Авторы доказывают, что появление внешнеэкономической стратегии в Восточной Азии будет для России движением в верном направлении — рост этого региона способен быть драйвером для российской экономики. Описывается, насколько важно установление прямого канала взаимодействия между институтами Евразийского экономического союза и Европейского союза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ЕАЭС, азиатский вектор внешнеэкономической стратегии, инициатива «Один пояс — Один путь», экономическое сотрудничество, интеграция

Maslennikov N. I., Tsyplyaev S. A., Yurgens I. Yu.

East Turn of Russia: Problems and Prospects**Maslennikov Nikita Ivanovich**

Institute of Contemporary Development
 Head of the Direction "Finance and Economics"
 vojta2010@yandex.ru

Tsyplyaev Sergey Alekseevich

North-West institute of management —branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)
 Dean of the Faculty of Jurisprudence
 tsyplyaev-sa@sziu.ranepa.ru

Yurgens Igor Yuryevich

Institute of Contemporary Development
 Chairman of the Board
 Member of the Russian Council for the International Affairs
 mail@insor-russia.ru

ABSTRACT

In the article, the prospect of turn of Russia to the East — change of policy and economic guidelines and partners is considered, the Russian vision of "an Asian course" is described. Authors prove that emergence of the external economic strategy in East Asia will be for Russia the movement in a right direction — growth of this region is capable to be the driver for the Russian economy. It is described, how important is establishment of the direct channel of interaction between institutes of the Eurasian Economic Union and the European Union.

KEYWORDS

EEU, an Asian vector of the external economic strategy, an initiative "One belt — One way", economic cooperation, integration

¹ Статья подготовлена по материалам Доклада «Новое позиционирование Российской Федерации в глобальном хозяйстве — возможности и перспективы» Фонда «ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ». <https://komitetgi/analytics/2495>, «Будущее России в глобальной экономике»/ под общ. ред. И.Ю.Юргенса. М.: Издательство «Экон-Информ», 2015.

Через геополитических конфликтов России и Запада делает, на первый взгляд, неизбежным поворот России на Восток — смену политических и экономических ориентиров и партнеров. Прорубленное Петром Первым «окно в Европу» наглухо задраивается в ожидании длительной зимы в отношениях Россия — Европа. Появляется желание настезь распахнуть ворота в «теплый» Азиатско-Тихоокеанский регион, в первую очередь в Китай. Российская элита демонстрирует эйфорические ожидания — Китай заместит нам Европу как покупатель нашего сырья, источник технологий и инвестиций.

В 2015 г. на «Балтийском форуме» в Латвии ряд российских участников прямо говорили, что «окно возможностей» для строительства «Большой Европы» захлопнуто. «...Пути Европы и России расходятся всерьез и надолго — не на месяцы и даже не на годы, но, вероятно, на десятилетия»; континентальный раскол имеет «не только радикальный, но и необратимый характер, ставя крест на одних политических проектах и открывая возможности для других», и отношения с Евросоюзом впредь «не должны быть заложниками политической риторики и романтических ожиданий конца прошлого — начала нынешнего столетия».

Эти утверждения не лишены резона — но только в том случае, если политическая риторика современного неоевразийства и романтические ожидания середины 2010-х гг. имеют под собой действительно прочную почву в общемировой и региональной реальностях. Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) чем дальше, тем больше становится средоточием новых возможностей для укрепления экономической и геополитической конкурентоспособности. Однако каковы именно данные возможности? Если не иметь о них четкого представления, погоня за фантомными выгодами от смены глобальной ориентации обернется в лучшем случае несколькими потерянными годами, в худшем — десятилетиями на обочине мирового развития.

1. История российского разворота

Представление о том, что XXI столетие будет «веком Азии», стало общим местом. По данным МВФ, если в 2000 г. доля стран Азии составляла менее 30% глобального ВВП, то уже к 2014 г. их доля превышала 40%. По итогам 2014 г. Азия внесла лишь немногим меньше 2/3 прирост глобального ВВП. Главным локомотивом развития стал Китай, средние годовые темпы роста которого в 2000–2010 гг. составляли 10,5%. В ближайшие два года темпы роста в АТР будут падать, но все равно останутся выше среднемировых. По прогнозам МВФ, рост в Азии составит 5,5% в 2016 г. При этом в двух крупнейших развивающихся экономиках АТР темпы роста будут выше средних по региону: в Китае они составят 6,3%, в Индии — 7,5%.

Бурный рост Азии в 2010–2013 гг. стал одним из важных факторов ралли на сырьевых рынках. Главным драйвером был спрос на многие виды сырья со стороны Китая. Модель роста, в которой высокие темпы поддерживались за счет масштабных инфраструктурных инвестиций и вложений в промышленность, гарантировала растущие объемы потребления металлов и углеводородов. Так, по расчетам австралийского инвестбанка Macquarie, в 2014 г. Китай потреблял больше половины мирового производства железной руды, алюминия и никеля, свыше 40% меди и цинка, 30% сои и 23% энергоресурсов.

Еще в начале 2000-х гг. для России, учитывая ее место в мировом разделении труда, было логично развивать связи со странами АТР и активно выходить на местные рынки. Однако этого не произошло.

Азиатские страны долгое время не представляли большого интереса, как для большинства крупных субъектов внешнеэкономической деятельности, так и для политической элиты России. Так, по итогам 2014 г. доля АТР в объеме российской внешней торговли не превышала 25%. До 2011 г. ни на одной из региональных бирж не торговались бумаги российских эмитентов. Также до 2011 г. отсутствовали какие-либо трубопроводы, связывавшие российские недра с азиатскими потребителями. Все подписывавшиеся с азиатскими потребителями договоренности, вроде меморандумов «Газпрома» и китайской CNPC от 2006 г. о строительстве двух газопроводов суммарной мощностью 68 млрд м³ в год (проекты «Алтай» и «Сила Сибири»), имели демонстративный характер и скорее адресовались западным потребителям российского сырья.

Условно началом восточного поворота России можно считать 2009 г., когда совпали, по крайней мере, два фактора. Первый и главный — мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., во время которого страны Восточной Азии, и особенно КНР, остались локомотивами мирового роста. В то время как ВВП России снизился на 8,9%, ВВП Китая вырос на 9,4%. Когда цены на сырье

упали, привычные источники фондирования на Западе временно иссякли, а ресурсы российского правительства оказались ограничены, многие компании были вынуждены обратиться к поиску новых источников капитала в Азии. Среди наиболее значимых достижений — подписание контракта между «Роснефтью», «Транснефтью» и CNPC о строительстве отвода Сковородино–Мохэ от магистрального нефтепровода «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО). По условиям контракта в обмен на кредит в 25 млрд долл. от Банка развития Китая российские компании обязались поставлять в Китай 15 млн т нефти ежегодно в течение 20 лет. Другим знаковым событием стало IPO компании «Русал» на Гонконгской фондовой бирже в январе 2010 г. Кризис впервые на время заставил российское правительство и субъектов внешнеэкономической деятельности серьезно посмотреть на возможности Восточной Азии для развития бизнеса.

Второй важный фактор — подготовка к саммиту АТЭС 2012 г. во Владивостоке. В ходе подготовки официальной повестки саммита правительство было вынуждено «погрузиться» в тенденции развития АТР, а бизнес активнее изучал возможности региона. Также в период президентских полномочий Д. Медведева было сделано несколько декларативных шагов для развития отношений с Азией: подготовка «хабаровских инициатив» 2011 г. по развитию отношений с АТР; саммит Россия — АСЕАН; попытки выстроить «модернизационные альянсы» с Южной Кореей, Сингапуром и Китаем. Все эти действия не были системной стратегией, а потому движение по реализации заявленных намерений остановилось уже весной 2012 г.

Вновь азиатское направление российской внешнеэкономической деятельности было актуализировано после создания в 2012 г. Министерства по развитию Дальнего Востока. Была подготовлена стратегия развития региона, где основной упор сделан на стимулирование производства продукции с высокой долей добавленной стоимости, ориентированной на рынки АТР. В этих же целях принят закон «О территориях опережающего развития», суть которого в создании особых зон с условиями регулирования по всем областям, конкурентным по отношению к лучшим практикам в АТР. За три года работы министерства были лишь отобраны первые девять площадок для создания ТОР, о привлечении сколь-либо масштабных инвестиций речь пока не идет.

Наконец, весной 2014 г. «поворот» получил продолжение под влиянием событий на Украине. В Шанхае были подписаны 42 соглашения, главным из которых стал газовый контракт между «Газпромом» и CNPC по строительству газопровода «Сила Сибири», оцененный тогда в 400 млрд долл. Весной, летом и осенью 2014 г. руководители финансово-экономического блока правительства совершали ознакомительные поездки в регион, а после введения Западом секторальных санкций российские чиновники и крупный бизнес начали более заметную активность на азиатском направлении. Созданы официальные форматы для взаимодействия с крупнейшими азиатскими партнерами. Это межправительственная комиссия по приоритетным инвестиционным проектам с КНР под председательством И. Шувалова и первого вице-преьера Госсовета КНР Чжан Гаоли, Комиссия при первом вице-премьере правительства России по взаимодействию с АТР, Национальный координационный центр по АТР при Российском союзе промышленников и предпринимателей и др.

2. Российское видение «азиатского курса»

Российское видение «азиатского курса» было сверхоптимистичным и заключалось в том, что в течение 10–15 лет Россия сможет сбалансировать доли торговли с ЕС и АТР в товарообороте настолько, что дальнейший разрыв торговых отношений с Европой не нанесет экономике неприемлемого ущерба. Поток азиатских инвестиций будет замещен поток западных, пусть и в меньшем объеме. Главным партнером России в Азии станет Китай, отношения с которым будут укладывать в ту же формулу, что и отношения с Европой: российское сырье в обмен на кредиты, технологии и инвестиции. Неуклонный рост спроса на энергоресурсы, металлы и удобрения в Китае создаст мощный стимул для роста российской экономики. В отдельных отраслях Россия сможет наладить с Китаем технологическое сотрудничество и совместно выходить на рынки третьих стран. Основными внешними источниками капитала для российских компаний станут биржи Шанхая и Гонконга, отчасти — Сингапура. Много денег придет в российскую экономику из Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонда Шелкового пути (ФШП). Юго-Восточная Азия превратится в рынок для продукции отечественного машиностроения и инфраструктурных решений.

Как показали прошедшие два года, подобное видение не было реалистичным, России нужно переосмысление «азиатского вектора» своей внешнеэкономической стратегии. Главные проблемные моменты, которые предстоит учесть:

- внимательное отношение к правилам западных санкций со стороны азиатских финансовых институтов и рынков капитала;
- снижение темпов роста экономики КНР и китайских потребностей в сырье, а также связанное с этим разделение труда в АТР;
- принципы работы создаваемых Китаем институтов развития;
- будущая конфигурация режимов свободной торговли в АТР.

Особо остановимся на ожиданиях притока инвестиционных ресурсов из Китая. Объем накопленных прямых инвестиций Китая в российскую экономику составляет в настоящее время около 5 млрд долл. (с учетом вложений, проведенных через компании третьих стран, по оценкам китайских экспертов, — 30 млрд долл.). Российские инвестиции в КНР насчитывают немногим более 800 млн долл. Российское правительство предприняло значительные усилия для того, чтобы подключиться к трем выдвинутым КНР инициативам по созданию институтов и проектов развития. Первый из них — недавно созданный Новый банк развития БРИКС. Второй — Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций, учредительные документы которого были подписаны в мае 2015 г. Наконец, третий, самый масштабный проект — инициатива «Один пояс — Один путь», состоящая из наземного «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути XXI века».

Правила инвестирования средств в рамках Нового банка развития БРИКС и АБИИ пока не определены: их еще только предстоит выработать, причем важную роль будет играть топ-менеджмент. В разрабатываемых уставных документах АБИИ указывается, что банк намерен использовать лучшие практики существующих институтов развития — Всемирного банка, Азиатского банка развития или Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР). Таким образом, к требованиям к качеству проектов придется «подтягивать» многие из российских предложений. Очевидная выгода для России — это отсутствие «политического контроля» со стороны Запада, при котором деятельность институтов развития может быть «приостановлена», как это произошло с программами ЕБРР в России. Становление Нового банка развития и АБИИ потребует времени, объемы первоначально инвестируемых средств вряд ли будут большими, так что позитивный эффект для России может быть получен лишь в среднесрочной перспективе.

Проект ЭПШП выглядит более привлекательным. Его идеология была сформулирована в сентябре 2013 г. в выступлении Си Цзиньпина в Назарбаев-Университете в Казахстане. Председатель КНР выразил стремление и готовность к укреплению долгосрочных логистических, инвестиционных, торговых и культурных связей между Китаем и всеми странами, которые захотят участвовать в ЭПШП. Проект уже подкреплен финансированием — создан ФШП с капиталом в 40 млрд долл., китайские госбанки заявляют о намерении выделять кредитные линии до 1 трлн долл. до 2020 г. 8 мая 2015 г. президент России и председатель КНР подписали совместное заявление о сопряжении ЭПШП с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Ожидания российской стороны довольно велики, о чем говорит, например, доклад международного клуба «Валдай». Москва рассчитывает на то, что китайская сторона будет инвестировать в развитие транспортной инфраструктуры, связывающей Восточную Азию с ЕС (одно из заявленных направлений ЭПШП), а также в развитие производств на территории России.

Рамочное заявление еще предстоит наполнить конкретными проектами, причем подход китайской стороны заключается в том, чтобы устанавливать условия для каждого проекта отдельно — как на нормальных коммерческих переговорах. В ходе визита В.Путина в Пекин были подписаны первые меморандумы о сотрудничестве в рамках сопряжения ЭПШП с ЕАЭС. Однако рамочное соглашение между ОАО РЖД и Китайскими железными дорогами пока не имеет конкретики, соглашение между En+ и Huawei о строительстве дата-центров в Иркутской области существовало до заявления 8 мая и было привязано к нему символически, а меморандуму между «Росавтодором» и Банком развития Китая по строительству автодороги из Западного Казахстана в Европу через Россию еще предстоит «обрасти» согласованием технических деталей и экономических условий. Готовым выглядит соглашение о покупке ФШП 9,9% доли в «Ямал СПГ», хотя и тут цена станет известна окончательно лишь после закрытия сделки. Во всех случаях ФШП действует как управляющая компания, готовая скупать представляющие интерес (в том числе проблемные) активы, не рискуя столкнуться с санкциями.

Не отказываясь от сотрудничества с китайскими институтами развития, стоит учесть, что они созданы прежде всего для решения проблем самого Китая, поэтому получение выгодных условий финансирования и определение устраивающих Россию правил игры потребует тщательной подготовки проектов.

Выработка экономической стратегии России в АТР происходит практически без учета переговоров о создании многосторонних режимов свободной торговли — Транстихоокеанского парт-

нерства (ТТП), продвигаемого США, и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), за которым стоит Китай.

Формально Россия не выражала желания присоединиться ни к одному из переговорных процессов. В переговоры по ТТП ее не звали, а для участия в переговорах по ВРЭП необходимо иметь зону свободной торговли с АСЕАН, которой у России пока нет. К тому же все шаги в этом направлении должны быть поддержаны коллективной позицией партнеров по ЕАЭС, поскольку присоединение Российской Федерации к любым торговым объединениям будет влиять и на их рынки.

Вырванный из общего контекста поиска Россией новых места и роли в глобальной экономике, азиатский вектор внешнеэкономической стратегии в нынешних условиях не будет отличаться большой эффективностью. Поворачиваясь к Азии, Россия вынуждена обустроиваться во все том же целостном экономическом мире. Тем не менее, на собственно восточном треке остаются незадействованными немалые резервы.

В условиях падения российской экономики, вызванного возникшим в 2013–2014 гг. сочетанием негативных факторов (отсутствие структурных реформ, снижение цен на сырье, санкции), руководство России пытается укреплять связи с азиатскими государствами. «Поворот к Азии» должен не только помочь развитию российского Дальнего Востока, но и компенсировать потери от сворачивания сотрудничества с ЕС, США и их союзниками.

В целом появление осмысленной внешнеэкономической стратегии в Восточной Азии будет для России движением в верном направлении — рост этого региона способен быть драйвером для российской экономики в целом. Азиатские возможности России не исчерпываются доступом к новым рынкам для экспорта сырья — страны АТР могут также стать источником капитала и технологий.

Между тем в нынешних условиях достраивание «азиатского вектора» российской внешнеэкономической стратегии сопряжено со значительными трудностями и не заменит в среднесрочной перспективе связи с Западом. Развитие связей с государствами Азии и работа с региональными инвесторами происходит с запозданием и в крайне неблагоприятных внешних условиях. Специфические проблемы, над преодолением которых предстоит задуматься для успешной интеграции в АТР, заключаются в нескольких вызовах:

- уход от ориентации исключительно на Китай;
- снижение негативного влияния санкций;
- наращивание знаний о России среди азиатских инвесторов, а также экспертизы в России по АТР (включая государство, бизнес и гражданское общество).

Необходимым условием успеха будет проведение структурных реформ и радикальное улучшение инвестиционного климата в России.

3. Перспективы евразийского интеграционного проекта

Россия как крупная мировая держава с богатым историческим прошлым и настоящим не расположена к тому, чтобы примкнуть к Западу или Востоку на положении младшего партнера. В то же время, чтобы претендовать на влияние в глобальной системе, России недостаточно пытаться «встроиться» в нее в одиночку. Евразийский интеграционный проект важен как для обеспечения национальной безопасности, так и для расширения рынков сбыта, рабочей силы и инвестиций.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), состоящий из России, Белоруссии, Казахстана, Армении и Киргизии, представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции, которая обладает международной правосубъектностью и учреждена соответствующим договором. В ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы и проведение скоординированной политики в отраслях экономики.

Создание Евразийского экономического союза стало наиболее серьезным событием в истории совместных действий государств «постсоветского пространства» в экономической области. Возникла действующая модель совместного развития пяти государств, в которой каждое из них решает как общие, так и специфические для себя задачи.

Следует отметить, что в процессе создания ЕАЭС Россия понесла одну потерю, масштаб и негативные последствия которой до конца трудно оценить. Речь идет о том, что участником пояса «соседства» не стала Украина, и о том, в какой форме это произошло. Последствия данной потери являются главной угрозой не только успешной работе, но и самому существованию ЕАЭС. В настоящее время они проявляются, прежде всего, через негативные для российской экономики эффекты санкций, через введение Россией ответных торговых санкций без участия других членов ЕАЭС, через отмену Россией также в одностороннем порядке и под воздействием ситуации вокруг

Украины беспошлинного режима ввоза товаров из Грузии и Молдавии в качестве защитной меры после создания этими странами, имеющими с Россией соглашения о свободной торговле, зоны свободной торговли с Евросоюзом.

Привлекательность конструкции для остальных участников объединения состояла прежде всего в обеспечении максимально упрощенного доступа на российский рынок, емкость которого возрастала. Смежной задачей стала защита общего рынка и стимулирование экспорта торгово-политическими средствами. Именно поэтому наибольшая часть «жестких» обязательств прямого действия в рамках ЕАЭС находится в области торговли товарами и обслуживающих эту торговлю регулятивных норм, таких как инструменты торговой политики, таможенное, техническое, ветеринарное и фитосанитарное, антимонопольное регулирование.

Вместе с тем страны-участницы оказались не готовы в той же мере интегрировать свои системы регулирования финансового рынка, транспортной и электроэнергетической инфраструктуры, промышленную и аграрную политику, торговлю услугами, соответствующие обязательства носят более мягкий и отложенный характер.

При принятии этих и других решений Россия не имела никаких правовых преимуществ, на которые могла бы претендовать исходя из различий в «весовых категориях». Каждое из государств-членов союза обладает правом вето на принятие любого решения, а процедура выхода из него не носит обременительный характер. В этом ограниченном наборе компетенций союза и равных правах участников также состояла привлекательность ЕАЭС для партнеров России. Со своей стороны, Россия смогла избежать принятия обязательств по двум наиболее чувствительным для себя вопросам: доступ к природному газу, нефти и нефтепродуктам по «внутренним ценам» и к их передаче по российским транспортным системам (отложено до 2024–2025 гг.), а также доступ к российским финансовым ресурсам через создание финансовых институтов союза. Оба этих вопроса, как и прежде, решаются Россией и ее партнерами в двустороннем порядке.

Основное содержание интеграционного процесса в Евразии пока находится в области торговли товарами (внутренней и внешней) с проведением подготовительных мероприятий в других сферах интеграции в течение переходного периода от 5 до 10 лет. Вместе с тем значимых результатов Евразийский экономический союз должен достичь как раз в ближайшие 3–5 лет, поскольку именно в течение этого периода времени в основном сформируется новый экономический порядок в Европе и в мире. Рассчитывать на весомые итоги работы Евразийского экономического союза на среднесрочном горизонте можно только в сфере торговли, от этого зависит его будущее.

На сегодня картина взаимной зависимости в торговле имеет неоднозначный характер. На внутрисоюзную торговлю из общего объема экспорта приходится в России 7,4%, в Белоруссии 38%, в Казахстане 9,5%, в Армении 38%, в Киргизии 22%.

Ни для одной из стран союза зависимость от экспорта в другие страны-члены ЕАЭС не носит критического характера. Однако для трех стран она велика и ее замещение было бы достаточно болезненным. В целом никакой существенной переориентации товаров стран-членов ЕАЭС на внутренний рынок союза, за исключением первых двух лет существования таможенного союза (2010–2011 гг.), не произошло. Сейчас, когда экстенсивный интеграционный эффект исчерпан, кризисные явления значительно снижают покупательную способность импортеров, а значимых изменений в структурах экономик стран-членов не происходит, оснований для роста взаимной торговли стран-членов ЕАЭС не видно. Таким образом, ключевое позитивное ожидание от создания ЕАЭС пока не оправдывается, и это риск для евразийского проекта.

Изменить положение дел может в этих условиях вложение государственных или привлеченных средств (например, государственных или частных средств третьих стран — партнеров по торгово-экономическим соглашениям) в кооперационные проекты, представляющие интерес для двух или более стран-членов союза. Крайне необходимы развязки в валютно-финансовой области, поскольку трудно говорить о равных условиях конкуренции и поощрении торговли в национальных валютах в условиях волатильности валютных курсов. В настоящее время 50% платежного оборота между странами ЕАЭС приходится на доллары и евро.

В обоих случаях нужны смелые политические решения — о совместном финансировании, кредитной и страховой поддержке кооперационных проектов, о координации политики в области валютного курса. Эти решения не предопределены Договором о создании ЕАЭС, они должны стать предметом новых самостоятельных переговоров. Даже в случае принятия на этом направлении безотлагательных совместных мер рассчитывать на быстрый рост взаимной торговли не придется — для этого потребуются годы.

Другой очевидный риск для ЕАЭС, вызывающий эрозию фундаментального принципа его существования — единства таможенной территории и общего внешнего тарифа, — это изъятия из общих обязательств для отдельных стран-членов. Они есть у Казахстана, Киргизии и Армении, отражают их специфические тарифные обязательства в ВТО. Устранение тарифных изъятий Киргизии и Армении произойдет только в 2019–2022 гг. Казахстанские изъятия сохранятся еще на больший срок.

Они также есть у России в виде запрета на ввоз большинства товаров продовольственной группы из стран, применяющих санкции по отношению к России, и применения ставок режима наибольшего благоприятствования в отношении товаров происхождением из Грузии и Молдавии (другие страны-члены ЕАЭС применяют в отношении этих двух государств режим свободной торговли). Применение этих многочисленных изъятий нарушает условия конкуренции на единой таможенной территории и приводит к снижению взаимной торговли.

Еще один вопрос, который содержит как большие возможности для объединения потенциала стран-членов ЕАЭС, так и для расшатывания инструментов союза — это заключение международных договоров с третьими странами. В условиях, когда нет оснований рассчитывать на значительный рост внутренней торговли, а достаточно либеральные условия импорта будут «выдавливаться» товары стран-членов с их общего рынка, это основной доступный союзу инструмент продвижения экспорта, который может содействовать экономическому росту и продемонстрировать успех евразийского проекта. Однако, как показал опыт переговоров с Вьетнамом, а также характер обсуждения в Евразийской экономической комиссии основных направлений международной деятельности союза, эта работа сталкивается с принципиальными сложностями.

Главное препятствие эффективному ведению переговоров и получению реальных преимуществ от достигнутых договоренностей состоит в пассивности бизнеса, позиция которого часто сводится к желанию получить приоритетный доступ к гос. закупкам в стране-партнере и не открывать собственный рынок. Отсутствие на переговорах наступательной повестки дня превращает соглашение из инструмента продвижения экспорта в средство защиты от импорта.

Другая проявившаяся особенность переговорного процесса состоит в нежелании стран-членов включать в соглашение положения по торговле услугами и инвестициям. В соглашении с Вьетнамом на это решилась пойти только Россия. В результате значительно страдает синергетический эффект соглашения, оно уже не может в той же степени содействовать формированию и функционированию трансграничных производственно-сбытовых цепей, в которых неразрывно переплетаются все виды экономической деятельности.

Наконец, еще одним обстоятельством, которое может потенциально подорвать единство торговой политики союза, является стремление сторон самостоятельно вести торговые переговоры с третьими странами. Здесь в первую очередь речь идет об отношениях стран-членов ЕАЭС со своим крупнейшим торговым партнером — Европейским союзом.

Государства-участники ЕАЭС договорились координировать между собой свои переговорные треки с ЕС. При этом имеют значение два фактора. Во-первых, подписанные в свое время государствами-участниками (Россия, Казахстан, Армения, Киргизия) соглашения с Евросоюзом о партнерстве и сотрудничестве устарели, поскольку потеряла актуальность их основная задача — определить торговый режим в условиях неучастия этих стран в ВТО. Нужны новые базовые соглашения (НБС), которые путем регулятивного сотрудничества и формирования отраслевых диалогов подготовили бы почву для переговоров по полномасштабному современному преференциальному соглашению. Во-вторых, каждая из названных стран наряду с общими решает в отношении с Евросоюзом свои специфические задачи, имея свою историю переговоров с ЕС (Армения, например, прошла весь путь по соглашению об ассоциации, Киргизия не начинала переговоров по НБС, соглашение о партнерстве Белоруссии и ЕС не вступило в силу).

Приостановка по политическим причинам переговоров между Москвой и Брюсселем создает принципиально новую ситуацию. Казахстан оказывается единственной страной, которая близка к заключению НБС. Учитывая, что регулятивные нормы проекта соглашения носят во многом рамочный характер, его практическое применение может создавать в двусторонних отношениях между Астаной и Брюсселем более благоприятные условия, чем те, которые существуют у ЕС с другими странами-членами ЕАЭС. Это по понятным причинам станет новым фактором риска дезинтеграции союза.

Из сказанного понятно, насколько важно установление прямого канала взаимодействия между институтами Евразийского экономического союза и Европейского союза. Речь надо вести о переговорах по соглашению, причем не менее амбициозному, чем с КНР. Это возможность поддержания стратегического равновесия не только для всей Евразии, но и для трансатлантических отно-

шений. В реализации такой формулы, где политически некомфортный российский образ приобретает деполитизированный вид в конструкции Евразийского экономического союза, Брюссель заинтересован, как представляется, не меньше Москвы.

Помимо свободного перемещения товаров и услуг, ликвидации нетарифных барьеров, создания к 2022 г. финансового мегарегулятора, единого электроэнергетического и нефтегазового сектора, ЕАЭС поставил перед собой задачу реальной макроэкономической и валютно-финансовой координации. На практике это означает централизованное управление денежной и налоговой политикой и создание единого эмиссионного центра. В Договор ЕАЭС заложены три основных показателя, которые должны строго соблюдаться всеми пятью государствами-участниками: отношение госдолга к ВВП, уровень инфляции и дефицит бюджета. Наднациональный контроль за соблюдением этих показателей, будь он реализован на практике, означал бы десуверенизацию полномочий правительств и парламентов этих стран, сравнимую с той, которая осуществлена в Европейском союзе. Исходя из того веса, который занимает в ЕАЭС Россия, по факту это означает делегирование данных полномочий Москве. Такого масштаба десуверенизация не устроит ни Казахстан, ни Белоруссию. Двадцатилетние споры о создании единого экономического центра в, казалось бы, едином государственном объединении Белоруссии и России закончились ничем. Тяжелый удар этой стороне интеграционного процесса нанес украинский кризис. Белоруссия и Казахстан не поддержали Россию, в лучшем случае вызвавшись быть «честными брокерами», но отнюдь не союзниками.

Нельзя не согласиться с российскими экспертами, констатирующими, что Евразийский экономический союз сегодня с его ВВП в 2,2 трлн долл., составляющим 3,2% от мирового, не представляет собой самодостаточный рынок, и любые попытки построить «крепость Евразия» самоубийственны. Выходом из сложившегося положения видится активизация переговорного процесса на двух треках — восточном и западном. Является ли биполярная конструкция «Евросоюз — Китай» достаточно равновесной, чтобы сбалансировать интересы всех вовлеченных в нее игроков? Вряд ли, и не только потому, что на ЕС-овском направлении прогресс затруднен в силу самого серьезного за постсоветский период кризиса в отношениях России и Запада. Для того чтобы Европа, несмотря на этот кризис, начала движение в сторону Евразийского экономического союза, она должна получить недвусмысленные аргументы в пользу того, что ей это выгодно, а обратное движение не выгодно совсем.

Что может служить такими аргументами? Только одно. Успех евразийского проекта на неевропейском направлении, создающий новую реальность.

Пока поворот в Азию заметен больше на словах. Да, с КНР активно обсуждается участие ЕАЭС в строительстве «Экономического пояса Шелкового пути». Отношения с КНР должны стать лишь частью, пусть и важнейшей, значительно более разветвленной конструкции отношений ЕАЭС с Большой Азией. Опорная идея, которая позволила бы такой конструкции существовать, уже подарена китайскими партнерами — это стягивающие Евразию логистические маршруты. Их сейчас нет, как нет и многообразной инфраструктуры поддержки (связь, энергетика, социальная сфера, промышленные кластеры вдоль трасс, упрощенные системы пересечения границ, таможенного оформления и обеспечения безопасности). По этой системе жизнеобеспечения должны пойти поставки расширяющейся гаммы продукции — от потребительских товаров и продовольствия для конечного потребителя до компонентов и готовых изделий, обслуживающих инвестиционный спрос.

Евразийский экономический союз уже приступил к созданию стратегии своих внешних связей, которая позволила бы определить последовательность действий. Выход на Юго-Восточную Азию планируется через зону свободной торговли с Вьетнамом, строительство логистики потребует участия Китая, Индии и Ирана. Свободная торговля с Восточным Средиземноморьем будет обеспечена через параллельные ЗСТ с Египтом и Израилем. Перспективным звеном в этой конструкции остается Турция. Однако этому должно предшествовать восстановление в полном объеме торгово-экономического сотрудничества с Россией и урегулирование отношений с Арменией.

На эти цели должны быть ориентированы все двусторонние связи стран-членов Евразийского экономического союза с государствами Большой Азии. На это же должна быть обращена их основная активность в ШОС и БРИКС. Критическим звеном успешности всего замысла будет способность нарастить вокруг новой транспортно-логистической «паутины» реальный сектор экономики. Именно концентрация инвестиционных проектов и резкое повышение торговых потоков через новые каналы может заставить колеблющихся западных партнеров воспринять Евразийский экономический союз.

Чтобы наполнить экономическим смыслом «азиатский поворот», требуется время, и немалое. Его надо использовать для институционализации наших отношений с ЕС. После длительного периода полного игнорирования ЕАЭС, затем отягощенного украинским конфликтом, появились первые признаки признания этой реальности со стороны Евросоюза и его лидеров. Путь к выстраиванию новых отношений двух континентальных интеграций не закрыт. Такое будущее для ЕАЭС было бы наиболее рациональным.

4. Укрепление позиций России в мировой экономике — принципы долгосрочной стратегии

Поворот к АТР в обнаруживающихся ограничениях на дальневосточном треке все более упирается в необходимость проведения структурных реформ на общероссийском экономическом пространстве в целом. Это и точка отсчета долгосрочной стратегии нового позиционирования России в глобальном хозяйстве, способной принести положительные результаты.

В качестве ее основных принципов следовало бы рассматривать следующие позиции:

- цель — превращение российского хозяйства в развитую экономику (по международно признанным критериям соответствия членству в ОЭСР);
- активное участие в создании глобальных стандартов деловых практик (по сути, правил международной конкуренции, единых для Запада и Востока) и их имплементации в законодательство и экономику России;
- использование потенциала ВТО и определение позиций как в отношении реформирования ее переговорного процесса, так и перспектив взаимодействия с возникающими макрорегиональными форматами торгово-инвестиционного сотрудничества (ТТП, ТТИП, РВЭП);
- проведение экспортоориентированной структурной политики (в секторальных и региональных измерениях) с ясным определением приоритетных направлений, использование для этого потенциала импортозамещения и локализации выпуска в России продукции известных международных брендов;
- ставка не столько на прорыв в сложившиеся в мире экспортные потоки, но на развитие отечественных бизнесов, способных создавать «продуктовые линейки» для новых, в том числе «сетевых» рынков, где основная добавленная стоимость создается инжинирингом, программным обеспечением и сетевым взаимодействием (включая инфраструктуру интернета) — например, в дигитализации транспорта, промышленности, медицины и образования;
- интенсивное встраивание в глобальные цепи добавленной стоимости и сопровождающие их инвестиционные потоки и технологический трансфер, что потребует тесной международной координации установлений в сфере госрегулирования экономики (от налоговых режимов до технических стандартов, экологических нормативов и т. п.);
- максимальное расширение числа стран-партнеров по торговому и инвестиционному сотрудничеству в АТР;
- углубление интеграционных процессов в ЕАЭС, заключение «союзных» соглашений о зонах свободной торговли с «третьими» странами при уверенности в их взаимовыгодности;
- необходимость выведения российских экспортёров на финансовые рынки главных стран-партнеров в торговле и инвестициях;
- поощрение трудовой миграции из России в страны АТР (за опытом, деловыми связями и т. п.) со стимулированием последующего участия в деятельности российских компаний на этом рынке, в том числе разработка специальных программ, выстроенных в форматах государственно-частного партнерства;
- гибкая господдержка (ее современные институты в России делают только первые шаги) субъектов внешнеэкономической деятельности, ориентированная прежде всего на содействие стратегическому бизнес-планированию, созданию новых конкурентоспособных продуктов, тщательное изучение целевых зарубежных рынков и адаптивную подготовку необходимой инфраструктуры (транспортно-логистическая составляющая и др.);
- изменение параметров денежно-кредитной, валютной и бюджетной политики и проведение структурных реформ (повышение комфортности инвестиционного климата, непосредственно влияющего на интенсивность притока/оттока капитала).

Потребуется и внешнеполитические инициативы, направленные не только на ослабление текущей напряженности в отношениях с Западом и отмену санкционных режимов, но и на создание и укрепление международных гарантий бесконфликтной трансформации глобального хозяйства.

Сценарии реализации «стратегии реинтеграции» по сути те же, что у замысла необходимых структурных реформ, поскольку именно они являются основой «образа желаемого будущего» с точки зрения позиций России в глобальном хозяйстве.

Некоторые целевые ориентиры для «подтягивания» качества институтов в принципе понятны: бездефицитный бюджет; четырехпроцентная инфляция; объем долгосрочной ликвидности, генерируемый финансовыми рынками, не менее 6–8 трлн руб. к 2020 г.; удвоение к этому сроку совокупного кредитного портфеля банковского сектора; доля госсектора в ВВП менее 40%; а малых и средних предприятий, напротив, более 40% (в настоящее время 21%); величина нормы накопления — около 30% ВВП. Другие ориентиры еще предстоит определить. В первую очередь, это реалистичные параметры структуры экспорта, степени встроенности в ЦДС, размерности расходов на программы ориентации регионов на внешние рынки, а также объективные критерии зрелости евразийского интеграционного проекта, его устойчивости и совместимости со стратегическими инициативами Китая в рамках «Экономического пояса Шелкового пути» и т. п.

Чем дальше Россия будет эксплуатировать «восточно-разворотный» ресурс приспособления к экономической реальности, делая при этом хотя бы небольшие, но реальные шаги к новой модели развития, тем быстрее она втянется в логику действий, уводящих от поддержания управленческого статус-кво. При этом важно не потерять ориентиры. Императивы реинтеграции в глобальное хозяйство (без искусственного разделения на Восток и Запад) и принципы ее долгосрочной стратегии способны стать постоянным напоминанием об этом.

Принципиальным условием успеха была и остается активная позиция российского гражданского общества.